

Бузский М. П.,
доктор философских наук, профессор кафедры философии
Волгоградского государственного университета.
(Волгоград, Россия), E-mail: metamarat1@yandex.ru

СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО В ФОРМИРОВАНИИ ЛИЧНОСТНОГО СМЫСЛА

***Аннотация.** Раскрывая существенное противоречие общества – между ростом его сложности и направленностью на внутреннюю оптимизацию, автор обосновывает в этом контексте закономерность появления информационно-технологического программирования современного общества, направленного на обеспечение его устойчивости и жизнеспособности. Возникшее коммуникационное пространство активно воздействует на сознание и поведение людей, формируя их в рамках предлагаемых стереотипов. Таким образом, в обществе противоречиво взаимодействуют социальное пространство и пространство коммуникаций, определяя особенности «смыслового самоопределения» индивидов.*

***Ключевые слова:** социальное пространство, пространство коммуникаций, социальное время, социальное бытие, программирование, смысл, ценности, личность.*

Одно из ведущих противоречий общественной системы – разнонаправленность двух ее тенденций: роста сложности, с одной стороны, и появления новых средств и путей упрощения, с другой. Здесь и обобщение сходных чувственных образов в одном понятии, и открытие числа, гигантски облегчившего решение проблемы освоения количественной стороны реальности; это сокращение времени для преодоления пространства на основе развития транспорта и связи, появление денег как средства обмена и т.п. Общество всегда давало возможность освоения человеком его усложняющихся изменений за счет внутреннего сжатия и «упаковки» разнообразия в обобщенные формы.

Современное общество сохраняет это противоречие, но его решение осуществляется на основе роста информационного воздействия, которое, в целом, выступает как *тотальное программирование и регулирование* на технологической основе всех структур и отношений общественной системы. Именно таким образом сегодня преодолевается *рост избыточности* содержания общественной жизни – тех ее возможностей и проявлений, которые возникли, но оказались не освоенными, а поэтому в итоге деструктивными. А с другой стороны – поддерживается некоторая относительная устойчивость общества при его гигантских темпах собственных изменений.

Таким образом, сегодня возник новый механизм регулирования общества на основе его технологической рационализации, в которой соотношение между условиями и результатами, средствами и целями, прохождением дистанции (пространства) между ними становится жестко заданным и фиксированными на основе программирования и технологизации. Эта объективная ситуация вызвала в 20–30 гг. XX века революцию в менеджменте, – теоретическое им практическое исследование самого управленческого процесса и его структуры, что способствовало оптимизации и рационализации деятельности фирм, предприятий, институтов в быстро меняющейся среде. Наиболее крупным практическим экспериментом развития общества на основе рационального управления был социализм, в котором развитие общества определялось разработкой и выполнением различных плановых заданий, в первую очередь – в сфере производства.

Рационализация управления становится важнейшей внутренней детерминантой современных общественных систем, которые получили новый масштаб регулирования, в частности, на основе развития средств массовой коммуникации – радио и телевидение, пресса, массовая культура и др. Так, эта культура вырабатывает и

внедряет способы коммуникации и связи между абстрактными индивидами – жителями растущих городов. Ее основная задача – создать и распространить в обществе и сознании людей стереотипы мышления и поведения, которые бы не только повысили уровень предсказуемости этого поведения, но и вырабатывали, сохраняли его мотивационное содержание и направленность.

Современное информационное общество, таким образом, превращает проблему своей устойчивости и жизнеспособности в одну из важнейших задач. Оно создает систему тотального *программирования*, направленного на сохранение собственной устойчивости общества. А. Турен отмечает, что «решающим для постиндустриального общества является то, что вся совокупность экономической системы составляет объект интервенции общества в отношении самого себя... В результате подобное общество на всех уровнях своего функционирования представляется не продуктом естественных законов или культурной специфичности, а результатом воздействия общества на самого себя, итогом систем социального действия» [1, с. 130].

Действительно, современная информационно-коммуникационная среда отличается повышенной «технологической рациональностью», активно переводя *качественные* стороны жизни личности и общества в их количественные «цифровые» аналоги. Это происходит таким образом, что любые сложные социальные феномены, включая и человека, становятся объектами технологической «сборки» на основе выделения их элементов и формирования различных моделей, которые выражают комбинации элементов, превращаясь в определенный *текст*, представляющий собой, как новую созданную реальность, так и особое *регулирование* сознания и поведения людей. Но это – как уже отмечено – не только управление коммуникациями, но и способ *регулирования самого бытия общества*, связанный с необходимостью повысить устойчивость и жизнеспособность самой общественной системы. В пределе это проявляется как «моделирование» на основе технологий самого способа существования людей в данной общественной системе. Так инструментальный подход к реальности, всесторонне развернув свои технологические ресурсы, становится бытийной основой современной общественной системы.

Однако «слабым местом» здесь является человек, субъект, который в принципе не может быть вытеснен из социального пространства технологическими и научными разработками, так как общество по-прежнему существует именно на культурно-человеческой основе, сохраняясь как общая форма, в которой осуществляется универсальная деятельность и общение людей. Сегодня существуют различные попытки технологически детерминировать и изменить человека, начиная с воздействия на его генетический код, и они представляют серьезную опасность для перспектив общества и самой личности.

Выход универсального программирования на уровень бытия общества значительно изменяет свойства социального пространства и времени, насыщая их овецивленными, чисто физическими параметрами. В концепции «сетевого общества» М. Кастельса утверждается, что информационные потоки создают уже собственное пространство и время общества, в которых отступают на задний план социокультурные характеристики. Этот исследователь подчеркивает, что сетевое общество «организовано вокруг новых потоков информации, которые сводят и вместе с тем и разделяют одновременно... свои территориальные компоненты... новая пространственная логика расширяет охват, создавая множественность глобальных сетей» [2, с. 369–370].

Это пространство оказывается пронизанными направленными потоками информации, которые всегда теперь оказываются своеобразным посредником в общении людей, и диктуют им свои условия. Как справедливо отмечает Б. В. Марков, «электронная коммуникация не имеет ничего общего с открытой коммуникацией «лицом к лицу». В разговоре участники читают невербальную информацию жестов, тела, одежды и т. п., которую компьютер редуцирует к письменным знакам, и по-

этому не остается времени для формирования собственного мнения. Вопросы, ответы, комментарии идут синхронно. Кроме того, опция «выход» дает возможность прервать общение, и таким образом устраняется ответственность, которая является важнейшим качеством личного разговора». [3, с. 125]. В электронной коммуникации субъекты не выходят в реальное социальное пространство, чтобы существовать здесь «от себя»: в пространстве коммуникации они являются носителями условий осуществления передачи сообщений, что и определяет их собственное поведение в фиксированное время и в фиксированных нормах.

Вынужденные существовать в режиме ускоряющихся изменений, возрастающей информационной нагрузки, индивиды воспринимают реальность и реагируют на нее на основе «клипового мышления» – совокупности впечатлений, образов, мало связанных друг с другом и образующих некоторые конгломераты. В целом, складывается ситуация, в которой существование в обществе оказывается чисто внешним, поверхностным, а современный человек «не в состоянии более обеспечить границы собственного бытия... Приватное ... приобретает некоторый совершенно новый оттенок – оттенок всеобщности, но параллельно оно утрачивает свои сущностные свойства охраны и защиты. Исчезает «другой», и вместе с ним размывается самостоятельность». [4, с. 133]. Средством размывания границы между внутренним и внешним становится так же *виртуальная реальность*, в которой индивиды проявляют интерактивную активность, отходя от реального существования в обществе, – замещающая его игровыми формами своего «присутствия в мире».

Итак, современный человек существует и действует в сложном пересечении социального и информационно-коммуникативного пространства, причем их различие раскрывается не только в их содержании, способе организации, но и в *самом способе существования* в них индивидов: информационно-коммуникационное пространство как сфера программирования общественной среды и бытия общества-системы, стандартизирует и упрощает взаимодействие людей, их восприятие реальности. В. В. Миронов отмечает: «Уже сегодня пространство интернет-общения заставляет и в реальной жизни говорить на упрощенном языке, от чего остается один шаг до упрощенных, а значит менее продуманных действий. Мы погружаемся в пространство мировой инфосферы, которое... все более втягивает нас в себя, заменяя все иные виды общения» [5, с. 28].

Кроме этого, в информационном пространстве снимаются, устраняются естественные внутренние границы ускорения его изменений в отличие от социального пространства, в котором границы изменений заданы объективностью условий, в которых существуют люди. Например, концепция примордиализма рассматривает этносы как объективные социально-органические и культурные системы, которые существуют и изменяются в своем собственном пространстве и времени. Инструменталистский подход к проблеме этносов рассматривает их с позиций социального проектирования: выделяя психологию, язык и интересы, сторонники такого подхода считают, что этносы путем социальных и других технологий можно вполне «осовременивать», включать в пространство современной международной и общественно-государственной жизни. Итак, если в основе примордиализма лежит реальное социально-культурное пространство и время, то в основе инструментализма – коммуникационно-технологическое пространственное программирование.

Существование людей в пространстве коммуникации, опосредованное особенностями компьютера и визуальностью его текста, вводит новые условия их бытия и общения, которые выражает *нормативность самого процесса программирования*, закрывающего самодостаточность собственного внутреннего пространства личности как условие и источник ее общественной самореализации. На этой (техногенной) основе сформировать личностный смысл индивидам оказывается достаточно сложно, что, в общем, и определяет возможность информационно-технологического производства массового общества. Однако, если это пространство не формирует

личностный смысл, то *она может быть проводником того социального и культурного содержания, которое существует в реальном бытии общества.*

И здесь возникает основной вопрос: при каких условиях коммуникационное пространство перестает блокировать естественное воздействие социального пространства, определяя процесс «нормальной» социализации личности? Опережая последующее рассмотрение, заметим, что социальное пространство, как и время, в своем общественном содержании должны быть «заряжены» теми идеями, которые господствуют в данном обществе. Они должны выражать некоторое напряжение или дистанцию между тем, что есть, и выдвинутыми целями, идеалами, на которые ориентируются, или все общество, или его значительные группы. Именно это *напряжение открывает ценности и смысл*, которые содержатся в этом пространстве и тем самым определяют направленность сознания и поведения индивидов.

А. И. Осипов пишет: «Не только от того, как человек воспринимает и осмысливает пространство и время, но и от того, как он относится к пространству и времени, как он осознает их соотнесенность с пространственно-временными параметрами своего бытия, зависит эффективность, направленность, характер его деятельности... Ценностная интерпретация осуществляет аксиологическую дифференциацию пространственно-временных аспектов реальности или человеческой деятельности, задавая определенный спектр положительных и отрицательных оценок и тем самым создавая возможность выбора и переориентации деятельности и поведения человека... Пространственно-временные ценностные ориентации, формирующиеся на основе ценностной интерпретации пространственно-временных отношений, воплощаются в существующие программы деятельности и поведения, трансформируя их определенным образом» [6, с. 24–26].

Что же воспринимает человек в качестве социально пространственного воздействия на свое сознание и поведение? Прежде всего, – это совокупность тех требований к нему, которые идут от других людей в процессе социального взаимодействия. Эти требования воплощаются в наборе ролевых норм, условий взаимопонимания, различного рода проявлений диалога, партнерства, языковых ситуаций, контекста, предположений, невербальных и других многочисленных знаков, которые выявляют позицию других – их отношение к ситуации, включенных в нее ценностей и норм поведения, друг к другу и т.д. Это, с другой стороны, включение в общественную деятельность, ее цели и содержание, выступающее как существенная социальная связь, выражающая взаимодействие социального пространства и времени.

Общим требованием и условием сосуществования людей в любом социально пространственном сегменте является *норма (или мера) времени*, в рамках которого существуют все актуальное: длительность функционирования комплексов предметов, социальных ролей, различные вопросы и ответы, открывающиеся проблемы и границы их обязательного решения. Выход за эти рамки времени проблем, запаздывание решений и т.п. превращает ту или иную ситуацию в источник разрушения и конфликта. Так, устаревшая информация теряет не только свою истинность, но и ценность.

Сегодня это требование выходит на передний план в социальном пространстве взаимодействия индивидов, субъектов, которые должны соответствовать требованиям времени. Это, в целом, называется «адаптация человека к среде». Поэтому особой нормой социально пространственных взаимодействий индивидов, нормой, имеющей огромное значение, становится *перемещение в социальном пространстве на основе времени*. В. Г. Виноградский подчеркивает, что «... феномен социального пространства возникает как результат глубокой внутренней взаимосвязи пространства и времени и выступает в виде необходимой формы общественного развития – формы, в которой различные модусы социального времени связаны отношениями сосуществования, находятся в своего рода «синхронном» взаимодействии... Центром, главным «ориентиром» социального пространства является... настоящее

социальное время, ибо именно оно представляет собой точку координации других измерений (модусов) социального времени, выступает как момент актуального взаимодействия прошлого и будущего». [7, с. 44–45].

Итак, человек взаимодействует с социальным пространством через его нормы, внутренние структуры, динамику, через символы и знаки, тексты, формы деятельности и общения. Но *интегральным проявлением* этого взаимодействия является *смысловая связь* между индивидами, опосредованная самой формой социального пространства. Человек конструирует свой «маршрут» существования и продвижения в социальном пространстве, опираясь на открывающийся здесь ему **смысл**, а также формируя свои смысловые позиции и приоритеты. Посмотрим на это конкретнее.

В первом приближении смысл является особым целостным переживанием и осмыслением человеком того, во что он конкретно «втянут», т.е. выступающим как фрагмент содержания общественной жизни. Когда смысл найден – это значит, что человек находится «внутри» проблемы, отождествляет себя с условиями, правилами, целями и задачами и т.д., которые существуют в данном социальном пространстве.

Сегодня в исследовании смысла нет общего подхода к его пониманию. Можно выделить, по крайней мере, *четыре направления* его анализа: феноменологический, духовно-религиозный (русская философия), культурно-семиотический, к которому примыкает и герменевтика, и психологический.

Согласно феноменологии, смысл – один из слоев воспринимаемого сознанием феномена – образа вещи. В этой концепции сознание интенционально – всегда направлено на вещи. Переработка вещи сознанием всегда включает в себя формирование смысла. Однако, смысл не «проникает» в сознание извне, а выявляется в самом сознании как результат его синтетической активности [8, с. 374]. Смысл, таким образом, усматривается через интенциональные акты, что позволяет субъекту формировать предметы как «смысловые единства».

К этому направлению примыкает и экзистенциализм, представители которого связывает смысл не столько с процессом познания, сколько рассматривают в контексте самого существования личности. Так, М. Хайдеггер подчеркивает, что «смыслом бытия сущего, которое мы именуем присутствием, окажется *временность*». [9, с. 133]. Именно *время*, которое открывается здесь индивидам *как их существование в особой среде*, в смысловом пространстве, формирует единство бытия индивидов, связанных структурой «заботы» как общего способа существования их в мире. Ж. П. Сартр также считает смысл проявлением бытия: «Смысл бытия сущего, поскольку он себя раскрывает в сознании, и есть феномен бытия. У самого этого смысла есть бытие, на основе которого он себя обнаруживает» [10, с. 35]. Это бытие – тот проект самодвижения к будущему, который постоянно выстраивают в своем сознании индивиды, которые ускользают от слияния с бытием-в-себе, т.е. от поглощения их инертным, объективным и завершенным миром.

Представители русской философии, выражающие традицию философии всеединства, усматривают смысл в религиозно-трансцендентном измерении. Так, Н. А. Бердяев в своих работах «Смысл творчества» (1916 г.) и «Смысл истории» (1923 г.) выявлял смысл как содержание свободы личности, как особую эсхатологическую направленность истории. Е. Н. Трубецкой в своей работе «Смысл жизни» связывал семиотические особенности древнерусского религиозного искусства (русская икона) с некоторым кодом, выражающим особенности русской национальной духовности. П. Флоренский связывал смысл с истиной. Он считал, что смысл вещи заключен в ее истинном содержании, а истина – это реальность объективная, неизменная и не зависит от субъективных переживаний. Но истинный смысл находится за пределами человеческого познания, в мире невидимом, который открывается человеку на основе веры и «говорит» с человеком через символы [11].

Как представитель культурно-семиотического подхода, М. М. Бахтин рассматривал смысл как проявление феноменов, которые укоренены в культуре и являются внешними для сознания человека. Смысл, который выражается в событии, становится предметом познания. Связь индивида и смысла осуществляется в поступках. Человек при совершении поступка руководствуется смыслом, опирается на него [12, с. 97]. Человек постигает смысл через его субъективное переживание, которое выступает как отношение к смыслу и предмету, как след смысла в бытии [13, с. 96–102].

Герменевтический подход к смыслу выявляет его через понимание текста, в котором этот смысл содержится. При этом, текст представлен сложной структурой, в которой существуют различные слои и коды, связь между которыми раскрывается через общий для текста смысл. Так, Р. Барт выделяет следующие коды литературного текста: 1) код действия, о котором идет повествование; 2) семантический код, объединяющий существенные для понимания текста понятия; 3) код культуры, включающий сведения о культуре данной эпохи; 4) герменевтический код, который содержит формулировку вопроса, заданного в тексте; 5) символический код, создающий фон глубинных (т.е. скрытых в повествовании) психологических мотивов [14].

Таким образом, смысл представляет собой сложное образование, в котором соединяются субъективные и объективные аспекты, знаково-символические формы выражения, личностная установка, проявление общественно значимых проблем, имеющих ценностей, идейно-мировоззренческое содержание. Это значит, что социальное пространство является источником самых разных смысловых ориентиров, которые выражают направленность и различие процессов и отношений, которые сосуществуют в этой сфере социального бытия и общественного/личного сознания.

Пространственное выражение смысла задано соотношением интересов различных социальных слоев и групп, совокупностью современных проблем, традициями культуры, целевыми ориентирами общества и набором его ценностей, актуальных для действующих поколений и др. Смыслы коренятся в текстах, имеющих разный статус (от коммуникаций до классических произведений культуры, искусства, которые сохраняются, проходя через века, в идеях общества, в социальных нормах, в организации производственной деятельности, управления и т.д. В каждом из этих источников смысла существуют свои «каналы» его личностного освоения, а также условия актуализации этих каналов, связанные в первую очередь с существующими противоречиями и проблемами данного общества, необходимостью поисков путей их решения. Конкретная «конфигурация» социального пространства не только объективно и неосознанно для индивидов выстраивает все эти источники по их актуальности и значимости для интересов действующих поколений, но и формирует некоторые смысловые комплексы, объединяющие в некоторые выделенные сферы различные «типы» смыслового содержания – общественной безопасности, коммуникаций, общественного или группового самосознания, общественного мнения, статуса и социальных ролей, ценностей, мировоззрения и идеологии, актуального и неактуального и др. Все эти позиции выражаются и разделяются в структурах социального пространства.

Рассмотрим в этом аспекте национальные интересы и общественное самосознание, как один из «срез» социального и коммуникативного пространства, в аспекте формирования личностного смысла. Национальные интересы всегда выражаются через любые фактические события, связи и ситуации, взятые в контексте суверенитета и национальной самобытности страны. Здесь осуществляется *прямая связь* между общим и единичным, выраженная в содержании идеологии, ценностей, культуры, социальной психологии. При этом, именно такой характер связи этих сторон является в сознании людей естественными и приоритетным. Смысловое содержание поведения индивидов определяется их общим сходством с позицией

всего общества, и выступает как проявление огромного энергетического потенциала, который возникает на основе «эффекта резонанса» – общей синхронизацией поведения и позиций индивидов в контексте общих ценностей и целей, принятой общественностью национальной идеи.

Смысл личности выражается как ее предельная идентификация с существующими условиями, которые определяются на основе их внутренней «пронизанности» национальными интересами и национальной идеей. Это обстоятельство изменяет и взаимодействие социального и коммуникационного пространства. Последнее в данном контексте максимально «снимает» или затушевывает свои собственные особенности, и прежде всего – *самостоятельность* своего регулятивного воздействия на индивидов. Здесь коммуникационное пространство отходит от своей рыночно-потребительской ориентации и начинает максимально адекватно переводить через программы СМИ, формы массовой культуры особенности национального самосознания и интересы субъектов, выраженные через социально пространственные отношения повседневной жизни общества. Различия между социальным и коммуникационным пространством теперь уменьшаются даже в аспекте онтологии: коммуникации теряют видимость своей заданности, программы, воспринимаясь массовым сознанием как проявления самого бытия данного общества, его самобытности.

Однако, это повышенное смысловое воздействие социального пространства осуществляется за счет *искажения* континуальной связи с социальным временем: последнее перестает выражать внутреннюю динамику социального пространства и его смысла. Призванное выражать социальные изменения и развитие, время теперь выражает аспект тождества – постоянство самобытности и уникальности данной нации как субъекта – общества, его культура и его государства. Экономические, образовательные и другие реформы теперь ориентированы не только (и не столько) на *развитие общества* (конечно, на его национально-культурной основе), сколько на обеспечение условий, которые сохраняют проявление его самобытности в настоящем, т.е. как бы сжимают процесс исторического времени в его универсальное развертывание в аспекте данности «теперь».

На личностном уровне это формирует смысловую ориентацию, направленную на решение текущих проблем, но не столько в контексте их рассмотрения как потенциала развития общества, сколько для восстановления настоящего в контексте подтверждения самобытности страны.

В содержании указанной смысловой «нагрузки» социального пространства усиливаются его символические аспекты, в которых факты и реальные события воспринимаются через их отношение к национальной идее и национальным интересам, приобретая символический смысл. Восприятие другого человека осуществляется не столько на его ролевой и социальной выраженности, сколько на признаках его включенности в символическое пространство национальных интересов, идей, ценностей.

Эта ситуация является одной из наиболее сильных проявлений социального пространства как источника формирования личностного смысла. Здесь формируется потенциал совпадения интересов личности и общества, который в огромной степени способен усиливать социальную активность людей. Но возникает вопрос об обеспечении креативной направленности сформированного личностного смысла. Можно предполагать, что здесь решающую роль должно сыграть усиление роли социального времени в содержании социального пространства. Эта роль времени многообразна, но ее одно из важнейших направлений (проявлений) – обеспечить сознание национальной самобытности общества не только по отношению к такому источнику, как история страны, ее прошлое, но и к ее **будущему**: речь идет о том, чтобы *потенциал и смысл национальной самобытности раскрывать в их динамике*, т.е. во внутренней интеграции идеи этой самобытности и различного рода инновационных внедрений в экономику, образование, социальное поведение и ориента-

ции граждан, культуру и др., постоянно открывая и осмысливая здесь все новые и современные образы самобытности и уникальности страны.

Проблема исследования смыслового воздействия социального и коммуникационного пространства на личность весьма сложная, она имеет множество аспектов и проявлений. Естественно, что в одной статье развернуть это содержание невозможно. Однако, можно с уверенностью считать, что данная тема сегодня является актуальной и поэтому имеет перспективы для своего дальнейшего всестороннего анализа, результаты которого будут востребованы, как в сфере теории, так и в практике освоения личностью и обществом их современных смысловых связей и взаимодействий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. Турен А. Возвращение человека действующего / А. Турен – М.: Научный мир, 1998. – 204 с.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 458 с.
3. Марков Б. В. Человек и глобализация мира // Отчуждение человека в перспективе глобализации мира. Сборник филос. статей. Под ред. Маркова Б. В., Соломина Ю. Н., Парцвания В. В. Вып. 1. – СПб.: Петрополис, 2001. – 378 с.
4. Baudrillard J. The Ecstasy of Communication / J. Baudrillard // Postmodern Culture. Pluto Press. 1985.
5. Миронов В. В. Коммуникативное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии / В. В. Миронов // Вопросы философии. – 2006. – №2. – С. 27-43.
6. Осипов А. И. Пространство и время как категории мировоззрения и регуляторы практической деятельности / А. И. Осипов – Минск: «Наука и техника», 1989. – 220 с.
7. Виноградский В. Г. Социальная организация пространства / В. Г. Виноградский – М.: Наука, 1988. – 226 с.
8. Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления / Э. Гуссерль – Минск: Харвест, 2000. – 752 с.
9. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – Харьков «Фолио», 2003. – 503 с.
10. Сартр Ж. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Ж. –П. Сартр. – М.: Республика, 2000. – 639 с.
11. Флоренский П. А. У водоразделов мысли / П. А. Флоренский // Сочинения – в 2 т. М.: Правда, 1990. – Т. 2. – 446 с.
12. Бахтин М. М. К философии поступка / М. М. Бахтин // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984-1985. М.: Наука, 1986. – С. 80-160.
13. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин – М.: Искусство, 1979. – 423 с.
14. Барт Р. Основы семиологии / Р. Барт // Структурализм: «за» и «против» – М.: Прогресс, 1975. – С. 114–163.
15. Барт Р. Мифологии / Р. Барт – М.: Изд. Сабадашниковых, 1996. – 312 с.

REFERENCES:

1. Turen A. Vozvrashchenie cheloveka deystvuyushchego [Return of the existing human] – M.: Nauchnyy mir, 1998. – 204 s.
2. Kastel's M. Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura [The Information Age: Economy, Society and Culture] – M.: GU VShE, 2000. – 458 s.
3. Markov B. V. Chelovek i globalizatsiya mira [Man and the globalization of the world] // Otchuzhdenie cheloveka v perspektive globalizatsii mira. Sbornik filos. statey. Pod red. Markova B. V., Solomina Yu. N., Partsvaniya V. V. Vyp. 1. – SPb.: Petropolis, 2001. – 378 s.
4. Baudrillard J. The Ecstasy of Communication // Postmodern Culture. Pluto Press. 1985.
5. Mironov V. V. Kommunikativnoe prostranstvo kak faktor transformatsii sovremennoy kul'tury i filosofii [Communicative space as a factor in the transformation of modern culture and philosophy] // Voprosy filosofii. – 2006. – №2. – S. 27–43.
6. Osipov A. I. Prostranstvo i vremena kak kategorii mirovozzreniya i regulatory prakticheskoy deyatelnosti [Space and time as a category of philosophy and practice regulators] – Minsk: «Nauka i tekhnika», 1989. – 220 s.
7. Vinogradskiy V. G. Sotsial'naya organizatsiya prostranstva [The social organization of

space] – М.: Nauka, 1988. – 226 s.

8. Gusserl' E. Logicheskie issledovaniya. Kartezijskie razmyshleniya [Logical Investigations. Cartesian Meditations] – Minsk: Kharvest, 2000. – 752 s.

9. Khaydegger M. Bytie i vremya [Being and Time]. – Khar'kov «Folio», 2003. – 503 s.

10. Sartr Zh. Bytie i nichto: Opyt fenomenologicheskoy ontologii [Being and Nothingness: Experiences phenomenological ontology] – М.: Respublika, 2000. – 639 s.

11. Florenskiy P. A. U vodorazdelov mysli [At the watershed of thought] // Sochineniya – v 2 t. М.: Pravda, 1990. – Т. 2. – 446 s.

12. Bakhtin M. M. K filosofii postupka [To the philosophy of the act] // Filosofiya i sotsiologiya nauki i tekhniki. Ezhegodnik 1984–1985. М.: Nauka, 1986. – S. 80–160.

13. Bakhtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity] – М.: Iskusstvo, 1979. – 423 s.

14. Bart R. Osnovy semiologii [Basics semiology] // Strukturalizm: «za» i «protiv» – М.: Progress, 1975. – S. 114–163.

15. Bart R. Mifologii [Mythology] – М.: Izd. Sabadashnikovykh, 1996. – 312 s.

Бузький М. П., доктор філософських наук, професор кафедри філософії Волгоградського державного університету (Волгоград, Росія), E-mail: metamarat1@yandex.ru

Соціально-комунікативний простір у формуванні особистісного смислу.

Анотація. Розкриваючи істотне протиріччя суспільства – між зростанням його складності і спрямованістю на внутрішню оптимізацію, – автор обґрунтовує в цьому контексті закономірність появи інформаційно-технологічного програмування сучасного суспільства, спрямованого на забезпечення його стійкості і життєздатності. Комунікативний простір, який виникає, активно впливає на свідомість і поведінку людей, формуючи їх в рамках пропонованих стереотипів. Таким чином, в суспільстві суперечливо взаємодіють соціальний простір і простір комунікацій, визначаючи особливості «смиислового самовизначення» індивідів.

Ключові слова: соціальний простір, простір комунікацій, соціальний час, соціальне буття, програмування, сенс, цінності, особистість.

Buzsky M., doctor of philosophical sciences, professor of the Department of philosophy, Volgograd state University (Volgograd, Russian Federation), E-mail: metamarat1@yandex.ru

Social-communicative space in the formation the personal meaning.

Abstract. Revealing the essential feature of the development of society as a contradiction between complexity and optimization that caused today the ubiquity of such forms of influence on the existential foundations of society, as its modeling and programming, the author believes that in modern society the interaction of social and communication space, which complicates the process of personality adaptation to the environment of its existence. Being more mobile and technologically developed, a communication space through popular culture standartizes the thinking and behavior of individuals, letting them shape their own personal sense. However, the traditional social space retains its impact on the consciousness and behavior of individuals, as it is still the main source and carrier of meaning. Revealing the peculiarities of these types of social spaces and their relation with social time, the author identifies a number of conditions which reduce the autonomy of the communication space in the regulation of consciousness and behavior of people and it turns that space into the Explorer process «semantic socialization» of the individual.

Keywords: social space, space communications, social time, social Genesis, programming, sense, values, personality.